

Новые товарищи

Четвертого числа двенадцатого месяца наступил день оглашения результатов.

Чжан Вэньхай еще затемно отправил к дверям уездной управы грамотного слугу. Тот должен был дождаться, когда вывешат списки, и немедленно принести весть назад. Это избавляло Чу Цы от необходимости самому спешить к месту оглашения и в очередной раз обливаться потом в невообразимой давке.

Ровно в час Дракона тяжелые ворота распахнулись. Двое стражников с саблями на поясах вынесли длинный свиток ярко-красной бумаги и торжественно закрепили его на стене.

Заголовок гласил: «Список выдержавших зимний годовой экзамен сорок второго года эры Цзяю». Посланник семьи Чжан принялся бегло просматривать имена с самого начала, и сердце его радостно подпрыгнуло: Чу Цы из деревни Чанси стоял на самом почетном, первом месте!

Вне себя от восторга, юноша бросился обратно к поместью. Он знал: за такую добрую весть господу не поскупятся на щедрую награду.

Тем временем у стены управы собралась толпа сюцаев. Отыскав свои имена, они не спешили расходиться — по обычаю, сочинения трех лучших учеников выставлялись на всеобщее обозрение.

— Какое мастерство! — доносилось из толпы. — Вступление тонкое, изящное, а мысль глубока и возвышенна. Подумать только, что к теме можно подойти с такой стороны!

Ученые мужи толпились у работы Чу Цы, и в их взглядах читалось искреннее почтение.

Однако в стороне застыла группа молодых людей с мрачными лицами. Это были ученики уездного училища, а в центре круга стоял Ци Сюй, тот самый, что в прошлый раз пытался выступить миротворцем.

— Брат Даюань, этот Чу всё-таки взял первое место, — прошептал один из них. — Теперь он окончательно задерет нос.

— И не говори, — подхватил другой. — Помните, как он в прошлый раз дерзил? Сумел и Хэ Цзиня, и Чжу Цзе, и даже тебя, брат Ци, выставить в дурном свете. Язык у него — словно бритва. Одно счастье, что на степень цзюйжэня он в прошлый раз не сдал, а то бы и вовсе житья не стало.

Говоривший, Чжан Цзэ, полагал, что выслуживается перед лидером, обличая их общего врага. Он и не заметил, как во взгляде Ци Сюя промелькнул ледяной блеск.

Сюй Фан, заметив перемену в лице товарища, незаметно толкнул Чжан Цзэ локтем. Тот оглянулся и, смутившись, поспешил добавить:

— Почтенный брат Ци, я вовсе не к тому, что ты уступаешь этому Чу! Не пойми превратно.

Холод в глазах Ци Сюя сменился привычной безмятежной улыбкой.

— Пустяки. Если кто-то превзошел меня в таланте, я готов это признать. Вот только нрав у брата Чу больно суров — он и соринки в чужом глазу не пропустит. Боюсь, когда в будущем году он вернется в училище, нам всем придется несладко.

Среди собравшихся пробежал шепоток недовольства. В мире ученых состязание в талантах редко обходится без зависти. Трудно сохранять спокойствие, когда рядом постоянно маячит живой образец для подражания, которым учителя попрекают каждого встречного.

Многие помнили: Чу Цы получил степень сюцай в четырнадцать лет — удача неслыханная! А всё потому, что учитель Цинь, лучший из тех, кто преподавал в училище, взял его в ученики. Цинь Линцин обладал блестящим умом, и многие мечтали попасть к нему в обучение, но тот лишь читал лекции и наотрез отказывался брать личных последователей.

Каково же было их изумление, когда в прошлом году учитель привел ученика из академии Цишань — заведения, которое многие считали посредственным, — и даже убедил главу академии Куна освободить юношу от платы за обучение.

К Чу Цы присматривались с любопытством, но увидели лишь бедняка в латаной одежде, который ел самую дешевую похлебку и не смыслил ничего в развлечениях, принятых в их кругу. К тому же характер у него был странный: он вечно ходил с книгой в руках и не понимал шуток.

Наставники же, как назло, в один голос твердили, что этот сюцай — образцовый ученик. Стоило кому-то провиниться или поленился, как его тут же сравнивали с ним. Это не могло не породить ответной неприязни.

Когда же из-за тюремного заключения Чу Цы был вынужден остаться дома, в стенах училища вздохнули с облегчением. Это время стало для школяров самым беззаботным. И вот теперь, узнав о его скором возвращении, все приуныли, предвкушая новые придирки наставников.

«Вот бы он вовсе не возвращался...»

Кто-то высказал эту мысль вслух. Послышались вздохи — кто же посмеет преградить Чу Цы

путь к знаниям?

— Говорят, у брата Чу есть родственник, что учится в академии Лунчан, — как бы невзначай обронил Ци Сюй. — Если пообещать тому место в нашем уездном училище, возможно, он сумеет убедить Чу Цы не возвращаться к нам.

— Это... не слишком ли подло? — выпалил Чжан Цзэ.

— Полно тебе, я просто пошутил, — легко рассмеялся Ци Сюй. Его лицо светилось благодушием, и казалось, что сказанные слова — и впрямь лишь праздная шутка.

Чжан Цзэ натянуто хохотнул:

— Ха-ха, Брат Даюань, ну и шутки у тебя.

Сюй Фан лишь молча прикрыл глаза ладонью.

«Ну и остолоп...»

***

Тем временем в доме Чжанов радость была ключом. Стоило слуге принести добрую весть, как Чжан Вэньхай пришел в еще больший восторг, чем сам победитель. Одарив прислужника серебряной монетой, он бросился поздравлять друга.

— Поздравляю! Поздравляю от всей души! Первое место на годовом экзамене — брат Чу, ты поистине великий талант! Я преклоняюсь перед тобой!

Фан Цзиньян тоже улыбнулся:

— Прими и мои поздравления, брат Чу.

Чу Цы скромно отнекивался, твердя, что ему просто повезло. Но Чжан Вэньхай и слушать не желал:

— Какое там везение? Это твой блестящий ум! Сегодня вечером я приглашаю вас в одно чудесное место — мы должны отметить это событие как следует.

В голове Чу Цы мгновенно всплыли строчки о хмельных танцах и надушенных прическах красавиц. Он невольно вздрогнул.

«Только не это...»

— Может... не стоит? — его лицо приняло весьма двусмысленное выражение.

Фан Цзиньян, заметив его замешательство, понимающе усмехнулся:

— Не опасайся, брат Чу. Место и впрямь достойное. Как бы ни был отчаян наш Вэньхай, он не посмеет затащить нас в сомнительное заведение.

Юноша с облегчением выдохнул и улыбнулся в ответ. Чжан Вэньхай же стоял в полном недоумении:

— О чем это вы? Пойдем или нет?

— Идем, конечно. Раз уж брат Чжан угощает, грех отказываться, — рассмеялся Чу Цы.

С наступлением сумерек друзья покинули дом и направились к переулку Ивового листа.

Там располагался трактир, который славился тем, что по вечерам дней, оканчивающихся на четверку, на подмостки выходил сказитель. Но рассказывал он не старые легенды о героях, а свежие столичные новости и толки о делах в империи.

Для книжников, мечтающих о государственной службе, понимание обстановки при дворе было жизненно важным. Поэтому в такие вечера в трактире яблоку негде было упасть, и собирался весь цвет местной интеллигенции.

Разумеется, за такие ценные сведения приходилось платить. Цены в эти дни взлетали в несколько раз, и не всякий студент мог позволить себе даже чарку вина, не говоря уже об отдельном кабинете.

Когда друзья прибыли на место, общий зал внизу был уже забит до отказа. К счастью, на втором этаже оставался один свободный кабинет, который Чжан Вэньхай тут же поспешил занять. Опоздавший на мгновение ученый лишь сокрушенно вздохнул.

Лавочник Чжан, обладавший легким и добрым нравом, окликнул незнакомца и пригласил его присоединиться к их компании. Тот, не скрывая радости и удивления, рассыпался в благодарностях.

Когда Чу Цы и Фан Цзиньян увидели, что их спутник ведет за собой незнакомца, они были немало озадачены.

— Брат Чу, Цзиньян, позвольте представить... К слову, я так и не спросил ваше имя? — Чжан Вэньхай, начавший фразу с большим воодушевлением, в конце изрядно смутился.

Незнакомец почтительно поклонился:

— Ничтожное имя этого ученика — Чэнь Цзыфан, второе имя — Чжунсин. Могу ли я узнать имена почтенных господ?

— Брат Чжунсин, меня зовут Чжан Вэньхай, это — Чу Цы, а это — Фан Цзиньян. Мы еще не достигли возраста увенчания шапкой, так что вторых имен у нас пока нет.

Чжан Вэньхай был старшим в компании — в этом году ему исполнилось двадцать, и он уже должен был получить взрослое имя, но день его рождения приходился на самый конец года, так что церемонию отложили до двадцать пятого декабря. Чу Цы и Фаню же предстояло ждать еще год.

Беседуя и обмениваясь шутками, четверка поднялась в кабинет. Убранство комнаты было изысканным и строгим, отвечая вкусам просвещенных мужей. Каждый кабинет носил имя благородного растения — сливы, орхидеи, бамбука или хризантемы.

Как хозяин вечера, Чжан Вэньхай подозвал слугу и заказал несколько фирменных блюд, предложив гостям добавить что-нибудь от себя. Остальные, ценя умеренность, решили, что заказанного вполне достаточно.

Тогда слуга предложил им сливовое вино — урожая этого лета. Он уверял, что, согретое на малом огне, оно станет прекрасным дополнением к трапезе; вино было легким и не туманило разум.

Все согласились на кувшин — пара чарок на каждого не повредит делу.

За едой потекла непринужденная беседа. Выяснилось, что Чэнь Цзыфан — тоже уроженец уезда Юаньшань, но до недавнего времени обучался в главном городе области. Теперь же, уладив семейные дела, он решил вернуться в родные края и в будущем году надеется поступить в уездное училище.

Чжан Вэньхай просиял:

— Вот и славно! Значит, в будущем году вы станете товарищами с братом Чу. Он тоже учится в нашем училище и, между прочим, занял первое место на нынешнем годовом экзамене!

Чэнь Цзыфан искренне улыбнулся:

— Видно, сама судьба свела нас сегодня. Я старше вас, так что позволю себе называть вас младшими братьями. Позвольте мне поднять чашу за наше знакомство. Надеюсь, в будущем мы станем друг другу опорой и поддержкой.

Все четверо подняли чарки. Раздался чистый, мелодичный звон соприкоснувшегося фарфора.

Они осушили кубки и переглянулись. В их улыбках светилась та особенная удаля и вера в себя, что бывает лишь в юности, когда весь мир кажется открытым и полным великих свершений.

<http://bllate.org/book/15354/1422150>